

На пульсе времени

В нашем сознании существует мнение, что в жизни всегда есть место подвигу, причем подразумевается не только проявление героизма и трудового подъема, подобно вспышке молнии или яркому всплеску раскаленной стали, но и повседневного, с полной самоотдачей труда, похожего на длинный конвейер, в конце которого каждую минуту появляется новое изделие.

Мой собеседник свою жизнь героической не считает, наоборот, говорит, что таких, как он, а то и лучше, в среде ветеранов ЧАЭС можно найти много, так же как и много тех, кто большинство лет своего трудового стажа отдал атомной энергетике и родной станции. С первых минут нашего разговора с Евгением Михайловичем Поболем чувствуется, так сказать, его врожденная скромность. И в дальнейшем нашем разговоре он не делал особых ударений на каких-то героических моментах, а просто говорил, как оно всё было, и даже о своих наградах он вспомнил не сразу и как-то обыденно.

О начале своего жизненного пути Евгений Михайлович говорит просто — всё оно прошло в родной Беларуси. Родился на Гродненщине, Политехнический техникум закончил в городе Молодечно Минской области. Евгений Михайлович и сегодня с теплом и любовью отзывается о тех годах: "Учеба, благодаря педагогам, не прошла даром. Меня научили глубже думать, уметь внимательно работать как практически, так и с теоретическим материалом. Запас знаний у нас в техникуме давался такой, что спустя годы, благодаря полученным в техникуме знаниям, я спокойно помогал товарищам, которые учились заочно, в выполнении контрольных и курсовых заданий". После окончания техникума он был направлен на крупнейшую в Беларуси тепловую электростанцию — Лукомльскую ГРЭС в Витебской области, но по-настоящему приступить к работе не успел, был призван в армию. Учеба под Борисовом, служба под Минском. За смелость и чувства долга, проявленные при тушении пожаров

в Подмоскowie, он был награжден медалью "За отвагу на пожаре". После службы в армии Евгений Михайлович вернулся на Лукомльскую ГРЭС, где прошел рабочий путь от самых низов до старшего машиниста двух блоков турбин, за год — сразу несколько должностных ступенек.

В короткие фразы о работе на Лукомльской ГРЭС и профессиональном росте мне хочется вставить некоторое разъяснение. Этот период работы ярко выявил целеустремленность и трудолюбие будущего работника атомной энергетики. Евгений Михайлович не просто двигался по должностной лестнице, а действительно рос профессионально, что подтверждается званием "Лучший по профессии" и бронзовой медалью ВДНХ.

— У вас средне-техническое образование, а высшее не пытались получить?

— Я прослужил в армии два года, за это время, конечно, что-то из общих предметов подзабылось. Я решил, что не смогу сразу как следует подготовиться к вступительным экзаменам в вуз и пошел на свою ГРЭС набираться практического опыта и, возможно, позже продолжить образование. Знания, которые я получил в техникуме, плюс практические навыки работы позволили мне расти как профессионально, так и подниматься по служебной лестнице. Потом появилась семья, домашние заботы. И еще есть один момент, который не дал мне получить высшее образование, — это то, что я считал: учиться надо или на стационаре, или, в крайнем случае, на вечернем отделении. Может быть, это и не совсем верно, но таково было мое принципиальное решение в молодые годы.

— Вы, как известно, большую часть своей трудовой деятельности отдали работе в атомной энергетике, а если уж говорить точно — на Чернобыльской атомной электростанции. А как произошло изменение жизненного курса после нескольких лет работы на ГРЭС, когда и место работы, и место жительства, которые уже были как бы определены, будучи в то время уже женатым, решили поменять?

— Строились новые станции, а меня всегда манило всё новое, интересное, тем более энергетика — такой народ, что долго не засиживаются на одном месте. А когда есть всенародный подъем, когда получаешь интересную информацию о грандиозности стройки и рождении нового красивого города, я с четырьмя товарищами, словно ощутив пульс времени, приняли решение в начале 1977-го посетить Чернобыльскую атомную станцию и город Припять. Честно сказать, первая поездка нам не очень удалась — мы просто не приняли сразу окончательного решения по поводу работы на ЧАЭС. Спустя некоторое время ребята опять выехали в Украину, а я не смог, так как должен был заступать на смену на работе. Ребята были приняты на работу, на атомную станцию, а я сразу не поехал вслед за ними, был немного обижен, възграла гордость, что они меня не подождали. Даже ездил на Ровенскую АЭС, которая строилась, но мне, азартному любителю рыбной ловли, проведшему детство и юность на реке Неман, не понравился городок атомщиков — Кузнецовск с его маленькой речушкой и началом строительства. И всё же желание заниматься чем-то новым, впервые развивающейся в Украине атомной энергетикой, не давали мне покоя, да и ребята мне писали о своей работе и молодом городе. И 27 июня 1978 года я снова приехал на Чернобыльскую станцию и был принят на работу в турбинный цех на должность машиниста-обходчика по обслуживанию вспомогательного оборудования. Скажу откровенно: когда я уже работал на ЧАЭС, мне приходили письма с предложением, чтобы я переехал на Ровенскую АЭС, даже обещали сразу квартиру дать, но я уже полюбил и Припять, и станцию, хотя первые три года мы с женой жили на съемной квартире. Счастливым 1981 год, ордер на квартиру в Припяти — улица Спортивная, дом № 10, кв. № 109. Счастливые мгновения жизни, работа, друзья, семья, дети, рыбалка, своя квартира. К слову сказать, нам с супругой очень нравилось наличие различных транспортных развязок. По реке ходила "Ракета" до Киева, имелось автобусное и железнодорожное сообщение. Нам легко было ездить в Беларусь к родным.

Евгений Поболь с некоторой грустью и нежностью рассказывает о Припяти, о том, как он с друзьями отводил душу на рыбалке, благо Припять, Днепр, Киевское море были рядом. Рыбалкой занимался в свободное время и летом, и зимой. Улов всегда был неплохим. Он на мгновение грустно замолкает, а я стараюсь не терять его и спрашиваю о работе:

— На тепловой станции вы уже работали старшим машинистом двух турбин, а на Чернобыльской атомной пришлось почти всё начинать сначала?

— Действительно, была свободной только штатная единица машиниста-обходчика турбинного вспомогательного оборудования, но мне сразу сказали, что будет дана "зеленая улица" для профессионального роста и учебы. Начальником цеха ТЦ-1 в то время был Тарас Григорьевич Плохий. За два месяца я подготовился на должность машиниста паровых турбин, прошел десять смен дублером, сдал экзамен по теории обслуживания турбин, технике безопасности. Когда был создан турбинный цех № 2 и набирался производственный коллектив, начальник цеха Николай Штейнберг пригласил меня старшим турбинным машинистом смены по обслуживанию 3-го и 4-го блоков. Турбины изготовлялись на Харьковском заводе, а часть запчастей, в том числе и лопасти к турбинам, нам поставлял завод из Полтавы. 1986 год. Уже идет полным ходом строительство 5-го и 6-го энергоблоков Чернобыльской атомной станции. Набирался персонал и был назначен начальником турбинного цеха № 3 Владимир Нестерук, который предложил мне должность начальника смены турбинного цеха на 3-м и 4-м энергоблоках. Но ночь с 25 на 26 апреля и произошедшая авария на 4-м энергоблоке внесла изменения в жизненные планы и судьбы многих людей, так же как и в мою.

— Прошло 29 лет с той ночи, которая разделила жизнь на планете на ДО и ПОСЛЕ. Так часто мы говорили, когда обращались к периоду начала Великой Отечественной войны. И вот еще одна трагическая дата — техногенная катастрофа на 4-м реакторе Чернобыльской атомной электростанции. Евгений Михайлович, а вам, человеку, работавшему на станции в то время, выполнявшему свой профессиональный долг в первые дни после аварии, жителю Припяти, что отложилось в памяти?

Мгновения тишины показались мне длинными минутами. Руки Евгения Михайловича, перебиравшие старые фотографии, замерли.

— 26 апреля я был дома. Где-то в начале восьмого утра в дверь позвонили. Ко мне пришли старший машинист Владимир Печерский и человек, представившийся сотрудником КГБ. Они и сообщили мне, что на станции произошел взрыв на 4-м реакторе. Стали спрашивать, отчего может произойти взрыв, что или какие технологические причины могли привести к нему. Я тогда еще не видел того, что произошло, и поэтому назвал пару общих возможных причин. Потом я вышел на улицу, было весеннее жаркое утро. Тревога, охватившая меня, немного стихла, я увидел ребятшек, играющих в песочнице. Но когда добрался до ме-

ста, откуда была видна атомная станция, волнение снова усилилось — я увидел черно-серый дым и разрушения в районе 4-го блока и понял, что произошло что-то очень серьезное. Поспешил домой, дочь-второклассница уже ушла в школу, я предупредил домашних, чтобы закрыли все окна и лишней раз не выходили на улицу, а сам сел к телефону, но дозвониться до станции не мог. Вернулась из школы дочь. На следующее утро ко мне зашел ведущий инженер по эксплуатации ТЦ-2 Алексей Рыбин и сказал, что необходимо 27 апреля на 16.00 выйти на смену. Позже я узнал, что в связи с тяжелой аварией и радиационной обстановкой турбинисты были объединены под началом Леонида Хоронжука, начальника ТЦ-1. Наступило 27 апреля. По всем каналам и на всех экранах позднее будут показаны моменты эвакуации жителей города Припять, но моих жены и детей в тех автобусах не было, как не было по каким-то причинам и семей еще некоторых жителей города. С утра, узнав об эвакуации, мой товарищ и работник ТЦ-1 Николай Соловьев на своей "двойке" ("Жигули" второй модели. — Авт.), загрузив в салон двух своих детей и жену, мою с двумя детьми, родственников брата жены, утром 27 апреля окружными путями вывез их в город Ельск, откуда жена с детьми уехала на поезде на родину в Витебскую область Беларуси. Когда мы на автобусе выезжали на смену, город покидала огромная колонна автобусов с жителями Припяти, на улицах проводили дезактивацию, город пустел на глазах. В 15.30 наша смена № 4 была доставлена на станцию. Везли нас дорогой через управление строительства, а не как обычно — возле ОРУ. Здание реакторного отделения было разрушено, в разрушениях были отблески пламени и поднимался дым черного цвета. Мне стало немного не по себе: а как же те, кто первым встретил эту беду, как ребята, которые работают на блоках? В малом актовом зале нас переедали, выдали дозиметры. Начальник турбинного цеха № 1 Леонид Хоронжук поставил передо мной задачу контролировать работу оборудования БНС-4, 5. Постоянным местом нахождения для меня было определено помещение машиниста БНС-1, 2 и каждый час я должен был посещать БНС-4, 5 для контроля работы оборудования. Смену принимать мне было не у кого, так как предыдущий мой сменщик, старший машинист турбинного отделения Николай Мягков, почувствовал себя плохо и был госпитализирован. В 16.30 мною был выполнен обход оборудования БНС-4, 5. В то время в работе находился один аппаратный насос, который работал для расхолаживания блока № 3 и вспомогательное оборудование — дренажные системы, системы откачки вод с приемных камер и системы откачки промышленных вод. Большинство окон БНС-4 возле щитов управления циркуляционными насосами были выбиты, кровля сифонного водоприемника имела пробоины.

(Продолжение в следующем номере).
Вадим ИВКИН

На пульсе времени

(Продолжение. Начало в предыдущем номере).

Около 1.30 с вертолетов в разрушенный реактор начали сбрасывать бор. Попаданий было вначале немного, так как сбросы производились с довольно большой высоты. Были попадания даже в кровлю реакторного отделения блока №3. Потом точных попаданий стало больше. При точном попадании в разрушения из них вырывались черные клубы дыма и сажи. В разрушенном реакторе наблюдалось зарево и свечение голубоватого цвета. В 24.00 мне была дана команда прибыть на АБК-1. Смены мне не было. Доложил о состоянии оборудования начальнику турбинного цеха. После переодевания не смог пройти дозиметрический контроль на выходе из АБК-1. Были сильно загрязнены некоторые участки тела (в районе таза). Многократное отмывание деактивирующими средствами результата не дало. Дозиметрист пропустил и посоветовал по приезде домой еще произвести отмывку тела. Предполагаю, что загрязнение тела произошло на БНС-4, 5 во время сидения на «гряз-

ном» стуле при заполнении оперативного журнала.

28 апреля 1986 года жителей в городе было уже значительно меньше, зато прибавилось милиции и военных. В 16.00 наша смена опять вышла на работу. По прибытию на станцию я доложил НТЦ Леониду Хоронжуку о том, что 27 апреля при обходах БНС-4, 5 мною получены загрязнения кожных покровов тела, которые не дезактивировались. Он дал команду НСТЦ Александру Лукашину до определения радиационной обстановки персонал на БНС-4, 5 не посылать. Примерно через час после этого были получены результаты радиационной разведки и посещения БНС-4, 5 уже производилось с доставкой на военном БТР. В эту смену обходы БНС-4, 5 осуществлял СИУТ Сергей Адвахов. После окончания смены в 24.00 нас предупредили, что будет произведена эвакуация персонала в пионерский лагерь «Сказочный» в село Иловница. Нам дали на сборы два часа и от магазина «Радуга» в автобусах отвезли туда. В «Сказочном» персонал сдавал анализы крови, при плохих анализах

вызывали повторно. Мне пришлось пройти эту процедуру в течение трех дней подряд, пока результаты анализов не пошли на улучшение. Для обслуживания оборудования были сформированы смены с минимальным количеством персонала. Персонал, не вошедший в смены, занимался работами по поддержанию порядка на территории пионерлагеря, разгрузке продуктов питания и т.д. На станцию меня не пускали. НТЦ Леонид Хоронжук сказал, что с меня достаточно дозы полученной радиации и я потребуюсь позже. Когда я спустя несколько лет стал работать на береговой насосной станции, мне довелось познакомиться с воспоминаниями машиниста береговой насосной станции БНС-4, 5 второй очереди Любови Куксы, вот что она помнила о тех мгновениях ночной смены с 00.00 и до 8.00:

«В момент аварии (01.24) я находилась в машинном зале насосной станции на отметке 0.0. Услышала два хлопка, похожих на происходящие при закрытии обратных клапанов аппаратных насосов при их отключении на открытый напорный затвор. Мне подумалось, что аппаратные насосы отключили с блочного щита управления. Когда бежала к телефону, увидела в окне, что вся кровля главного корпуса II очереди в районе блока №4 в огне. По прямому телефону сообщила об этом СИУТу и просила у него, что случилось. Ответ был такой: «Мы сами еще не знаем».

Евгений Михайлович, отложил лист в сторону и тихо, словно боясь нарушить возникшую тишину, продолжил:

– Мы не думали о мужестве и героизме, большинство из нас просто профессионально выполняло свои обязанности, неся ответственность за порученное дело. А Люба и 27 апреля с 00.00 часов вышла на смену и только вечером 28 числа она, получив документы и информацию о дальнейшей работе, уехала сначала в Ейск, а потом в Витебскую область к родителям мужа. 1 мая 1986 года руководством станции была организована попытка посещения работниками станции г. Припять, чтобы забрать документы и самые необходимые вещи. До села Копачи нас довели автобусами, а далее должны были подъехать военные на БТРах и отвезти нас в г. Припять. Однако военные в установленное время не прибыли, нам

пришлось стоять в Копачах более часа. Жители из Копачей еще не были эвакуированы, многие целыми семьями занимались посадкой картофеля. В небе один за другим по кругу шли тяжелые вертолеты – доставляли подвески мешков с песком и сбрасывали в разрушенный реактор. В этот день нам так и не удалось попасть в г. Припять. Успешная попытка попасть туда была реализована 3 мая – удалось забрать все документы, драгоценные изделия и вещи самой первой необходимости. До 15 мая 1986 года я находился в «Сказочном». С Балаковской АЭС для ликвидации последствий аварии приехали самые уважаемые мною люди: мой первый начальник турбинного цеха, который принимал меня на работу впервые на ЧАЭС – Тарас Плохий и первый начальник турбинного цеха №2, который пригласил меня в создаваемый им цех, – Николай Штейнберг. Мне было приятно с ними встречаться. Участвовал я в этот период в разработке мероприятий по отключению и отглушению (изоляции) технологических связей между блоками №3 и №4. С 15 мая был организован вахтенный режим работы по 15 дней. В связи с этим я был отправлен 16 мая 1986 года в санаторий в поселке Тетерев, где персонал после вахты и перед вахтой проходил медицинский осмотр. После медосмотра в форме бойца студенческого строительного отряда отбыл в поселок Ореховск Оршанского района Витебской области, где находилась моя семья, по дороге навещил своих родителей в Гродненской области, чем очень успокоил их. 31 мая вернулся в Тетерев, прошел медицинское обследование, 1 июня заехал вместе с персоналом на вахту в «Сказочный». В этот период продолжал, в основном, заниматься с документами, так как не допускался к другим работам по медицинским ограничениям. С 7 июня 1986 года был отправлен в очередной отпуск, который провел у своих родителей и родителей жены. Здесь же и узнал, что по факту произошедшей на Чернобыльской станции аварии заведено уголовное дело. В июле, находясь в отпуске в Гродненской области, был вызван в прокуратуру, где следователь произвел допрос в рамках следствия по расследованию уголовного дела в связи с аварией на ЧАЭС. Допрос продолжался около трех часов. Надо было ответить на большое количество вопросов, которые были изложены в перечне у следователя.

В конце июля 1986 года семья получила квартиру в Киеве. А меня тянуло к своему коллективу. После отпуска, уже в августе, я прибыл на Зеленый мыс, жил на теплоходах. В сентябре был направлен в пос. Тетерев на медицинское обследование как работник, получивший дозу облучения выше 5 ПДД. По заключению ВКК был отстранен от работы на три месяца в зоне с ионизирующим излучением. Был направлен для работы в ПО «Комбинат» кочегаром в котельной на Зеленом мысе. В связи с этим и к моему глубокому сожалению мне не пришлось непосредственно участвовать в работах по подготовке к пуску и запуску энергоблоков №1 и №2 после аварии. В январе 1987 года по заключению ВКК был допущен к работе в зоне ионизирующего излучения с годовой дозой не выше 1,5 бэр в год, без ночных смен. Был направлен в профком

ЧАЭС для работы дежурным по профкому. При отсутствии руководства профкома (оно отсутствовало очень часто) занимался решением всех текущих вопросов профсоюзной жизни. Там проработал около двух с половиной месяцев. При очередной ВКК удалось получить допуск к работе в зоне ионизирующего излучения с годовой дозой не выше 3,0 бэр. Эту величину уже можно было отследить, и я был направлен для работы СМТО, а затем НСТЦ во вновь образованный турбинный цех №2, где начальником был Валерий Фоменко. Говоря о своих начальниках, я вдруг задумался над тем, что мне пришлось работать при всех директорах атомной станции, а Игорь Иванович даже работал со мной в одной смене. Пришлось заниматься и подготовкой блока №3 к пуску после длительного простоя. Пришлось по существу восстанавливать всю документацию, проводить техническое освидетельствование оборудования. Был выполнен большой объем работ по дезактивации помещений и оборудования блока. Был произведен капитальный ремонт блока с выполнением мероприятий по повышению безопасности. Энергоблок №3 был успешно запущен в эксплуатацию после длительного простоя. Это произошло только благодаря самоотверженному, можно сказать – героическому труду всего коллектива станции, от простого рабочего до руководителей ЧАЭС. Был такой высокий трудовой подъем, что после аварии произвели электроэнергию больше, чем до аварии и добились наивысшего показателя по технике безопасности в отрасли. В дальнейшем пришлось работать ведущим инженером, заместителем начальника по эксплуатации второй очереди ТЦ, заместителем начальника по гидротехническим сооружениям, потом, вследствие постоянных реорганизаций и сокращений, я вернулся в ТЦ. Отсюда и ушел на пенсию.

– Евгений Михайлович, вы обмолвились, что получили квартиру в Киеве, а себя называете старожилом Славутича. Как вы попали в Славутич?

– Правда и то, и другое. В Киеве мы получили квартиру в середине лета 1986 года. А в конце 198-го я снова вернулся в турбинный цех. Вместе восстановлением станции рождался самый молодой город Украины Славутич – город работников Чернобыльской атомной станции. Чтобы в семье не было разногласий, я, можно сказать, применил военную хитрость – послал смотреть новый город жену Татьяну. Г. род ей очень понравился и в 1988 году, сдав свою квартиру в Киеве, мы вместе с двумя детьми переехали в Славутич и получили коттедж, в котором и сегодня живем.

Беседуя с ветераном Чернобыльской атомной, участником ликвидации последствий аварии, а сегодня уже и пенсионером ГСП «ЧАЭС» Евгением Поболем, осознаешь, что в жизни есть место верности своей профессии, есть место тихому профессиональному подвигу. Его участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС отмечено орденом Дружбы народов, который ему вручила в встрече с ликвидаторами аварии на Чернобыльской АЭС в Киеве Председатель Президиума Верховного Совета УССР Валентина Шевченко.

Вадим ИВКИН

70 лет Великой победы

Мы для победы ничего не пожалели, Мы даже жизни, как НЗ, не берегли!

Николай Степанович ИРХА:

– Во время передышки после боя собрались пулемётчики в неглубокий окоп. Кто курил, а кто приводил в порядок оружие. А я вставлял в ленту патроны и в этот момент почувствовал сильный удар по голове. От удара упал на дно окопа. Слышу голос: «Ирху убили». Через несколько секунд я им ответил: «Живой». Каска спасла мне жизнь, пуля снайпера попала чуть левее от ее центра и от ricochetнула. Был бы я в пилотке, мать с отцом получили бы известие о гибели сына.